

rechevogo-povedeniya-sovremennoy-politicheskoy-elity-rossii. – Дата доступа: 17.03.2014.

5. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: Р. Валент, 2007. – 244с.
6. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. – Дата доступа: 10.02.2014.
7. Уланович, О. И. Ментальные процессы и механизмы языкового сознания / О.И. Уланович // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы II Междунар. науч.-практ. конф, Минск, 25 окт. 2013 г. / Бел. гос. ун-т; под ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 3 – 7.

ПОНИМАНИЕ РЕЧИ КАК ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ МЕНТАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

О. А. Колпинская

Несмотря на тот факт, что проблеме понимания речи уделяется особое внимание во всем спектре дисциплин когнитивного направления и уже на протяжении долгого времени, тем не менее, единого, общепринятого определения «понимание» пока не выработано.

С точки зрения И.А. Зимней, понимание – это положительный результат процесса осмысления в акте восприятия речевого сообщения. Процесс осмысления характеризуется исследователем как процесс раскрытия и установления связей и отношений [3].

Общим мнением большинства ученых является представление о том, что понимание достигается в результате самостоятельных мыслительных усилий и всегда с опорой на уже имеющиеся знания, при этом степень развернутости этой мыслительной деятельности зависит от характера объекта понимания, уровня подготовленности субъекта к пониманию и от мотивации [11, с. 23].

Важным видится разграничение понятий «восприятие» и «понимание» речи. Зачастую эти категории отождествляются и используются как взаимозаменяемые эквиваленты, хотя между ними вовсе нет отношения тождественности.

Восприятие речи – это анализ и синтез материальных языковых средств, т. е. декодирование разнообразных комбинаций речевых звуков (или графических символов – букв) и их признаков (будут ли эти знаки произнесены в устной речи или обозначены на письме).

Понимание речи определяется в психолингвистике как расшифровка общего смысла, который стоит за воспринимаемым речевым (звуковым) потоком. Это процесс превращения фактического содержания речи в скрывающийся за ним смысл. В ходе понимания реципиент устанавли-

вает смысловые связи между словами, погружая содержательную сущность сообщения в определенный контекст действительности (коммуникативный контекст). В результате осмысления слушатель приходит к пониманию смыслового содержания высказывания, либо понимание не достигается, что рассматривается как отрицательный результат. Понимание речи – это анализ и синтез элементов мысли, т. е. понятий и суждений, зафиксированных в языковых символах и отражающих предметные отношения действительности в конкретном сегменте речевого дискурса.

Оба процесса – *восприятие и понимание речи* – взаимно обусловлены.

Еще в 1930-е гг. было начато изучение проблемы понимания как таковой, и на протяжении долгого времени явление рассматривалось с позиции разных характеристик (качественных и количественных), а также конструктивных составляющих явления (динамических, процессуальных и результативных). Многие ученые пытались, прежде всего, определить понимание и истолковать вариативность его проявления, объяснить психологические основы, выделить типологические различия.

Так, известный психолог А.А. Смирнов, характеризуя понимание словесного материала, выделял в этом процессе две ступени на основе степени творческой переработки оригинала при изложении «понятного» другому лицу. На первой ступени понимания такая переработка еще практически недоступна человеку, в силу чего он «просто воспроизводит воспринятое, причем максимально словами подлинника». Вторая ступень понимания наступает как следствие того, что такая творческая переработка подлинника становится возможной и может обнаруживаться в ряде отступлений от него. Это обнаруживается, например, при переводе на некий «свой язык», при передаче другими словами, сопровождаемой изменением последовательности изложения, обобщением материала или, наоборот, изложением его в более развернутой форме (конкретизация, детализация) [8, с. 28].

Н.И. Жинкин связывал процесс понимания текста с перефразированием или заменой слов текста другими, эквивалентными, промежуточным звеном между которыми является наглядный образ [2].

Одними из первых теоретически обобщить критерии понимания попытались А.А. Смирнов и Н.А. Менчинская, отметив умение словесно обозначить осмысливаемое в качестве показателя понимания [5].

Позднее З.И. Клычникова обобщила и систематизировала критерии понимания читаемого. Автор не разграничивает такие явления как показатель или критерий понимания и способ проверки понимания, полагая, что показатель понимания может использоваться как способ проверки понимания. З.И. Клычникова выделяет ряд из 19 показателей способов контроля пони-

мания читаемого. Эти показатели, по мнению автора, могут быть разделены по своей психологической сущности на две большие группы. Первая группа характеризуется коммуникативным характером использования прочитанного материала. Вторая группа не связана с коммуникацией, а носит характер логико-текстуальной аналитической работы [4].

В свою очередь Е.И. Пассов и В.Ф. Сатинова предложили в качестве критерия понимания текста трансформации плана выражения, не искажающие смысла содержания текста при его воспроизведении. Всего авторами было предложено пять видов трансформаций, первые четыре носят лексико-грамматический характер, а также включают изменение последовательности изложения, а пятым критерием названо привнесение в пересказ выводов и умозаключений эмоционально-оценочного характера. Авторы исходят из общей гипотезы о том, что чем в более отдаленной языковой форме излагается принятый текст, тем более осознанным можно считать осмысление его содержания [6].

В исследованиях Н.В. Чепелевой испытуемые-студенты по прочтении научно-популярного текста получали задание изложить письменно по возможности наиболее полно основное содержание текста. Понимание, при этом, оценивалось с точки зрения полноты и глубины в совокупности по пяти критериям: 1) полнота и точность воспроизведения текста в целом (показатель полноты понимания), 2) полнота и точность воспроизведения элементов теоретического уровня, 3) переструктурирование текстового материала в соответствии с его смысловой структурой, т.е. вынесение ключевых моментов на первый план и сжатие, свертывание фактологической (несущественной) информации, 4) наличие в изложении испытуемых обобщений (показатель глубины понимания), 5) наличие выводов по тексту (показатель глубины понимания) [12].

А.А. Брудный изучал понимание текста при помощи методик восстановления: неизвестный текст необходимо было собрать из предложений или абзацев, предъявленных вперемешку. Действия по воссозданию целостности текстов зачастую приводили к образованию новых текстов, вполне логичных, но отличных от оригинала. Критерием оценки понимания можно назвать умение восстановления целостности в материале, предъявленном без системы [1].

В качестве еще одного критерия понимания текста можно рассматривать возможность выхода за рамки непосредственно сказанного и раскрытие подтекста (импликации) и глубинного смысла. Этот критерий чаще фигурирует в исследованиях понимания художественного текста и формулируется как раскрытие путем умозаключения мотивов и целей поступков действующих лиц.

Анализ теории и опыта исследования понимания речи позволяет сделать вывод о том, что существующие попытки обобщения и систематизации критериев понимания многочисленны, не взаимоисключающие, а скорее взаимодополняющие друг друга по качественным результатам и выводам, однако не исчерпывающие в полной мере всех аспектов проблематики понимания речи. В частности, в описанных нами классических теориях и исследованиях понимания совершенно игнорируется вопрос вариативности понимания речи (его качественных и количественных характеристик) в различных ситуациях профессиональной деятельности в сфере коммуникации, каковой, к примеру, является деятельность переводчика. Выявляемые авторами критерии понимания стремятся к универсальности оценки качества понимания, что по нашему глубокому убеждению, необоснованно и даже ошибочно, поскольку разные виды активности человека в целях рациональности человеческих ресурсов и оптимизации профессиональной деятельности предполагают вариативность понимания, существующую вполне в пределах, допустимых понятием «достаточное понимание».

Так, О.И. Уланович заявляет о вариативности степени достаточности понимания оригинала при различных видах и формах перевода [9]. Автор предлагает теорию вариативности переводческого понимания по категориальным критериям оценки результативности понимания: *точности*, *полноты* и *глубины*, в свое время выделенным еще А.А. Смирновым. *Точность* понимания оригинала при переводе предполагает верное восприятие и последующую передачу *прецизионной* информации и, по мнению О.И. Уланович, не имеет степеней свободы: выступает единственным и невариативным критерием качества понимания и перевода. *Полнота* понимания оригинала рассматривается как понимание в поле всего массива предметных значений. Возможность достижения оптимальной полноты понимания оригинала, существующая при письменном переводе, фактически исключена в условиях устного перевода. *Глубина* понимания определяется автором тем, «до какого порядка сущности проникает наша мысль в процессе понимания» [7, с. 168] и ранжируется по уровням в соответствии с нелинейностью смыслового уровня текста: *содержание текста*, *общий смысл*, *скрытый*, *глубинный* [9, с. 47].

Художественный текст требует понимания *глубинного смысла* для адекватной передачи идентичного по силе и качеству эффекта художественно-эстетического воздействия. Достаточным для информационного перевода (научно-технического, военного, медицинского и др.) видится понимание оригинала на уровне *общего смысла*, что не исключает необходимости проникновения на более глубокие пласты смысла в зависимости от жанрово-стилистического колорита информационного повест-

вования. Работа переводчика-синхрониста в режиме синхронного двуязычия предопределяет пофазную рецепцию текста на языке оригинала, знаменующую понимание на уровне *содержания*, что вполне достаточно с учетом условий синхронного перевода [10, с. 22–23].

Таким образом, следует признать вариативность динамических и результативных характеристик понимания в зависимости от объективных профессиональных и ситуативных условий коммуникативной деятельности специалиста. В контексте перевода понимание – это не самоценный процесс мышледействования: «это результативный, но не завершающий этап более масштабного процесса» [9, с. 40], также допускающий вариативность понимания с позиции достаточности в различных ситуативных и контекстуальных условиях перевода, что позволяет экономно и рационально распределять когнитивный потенциал переводчика.

Литература

1. Брудный, А. А. К анализу процесса понимания текста / А.А. Брудный // Знак и общение. – Фрунзе: Илим, 1974. – С. 3-6.
2. Жинкин, Н. И. Механизмы речи / Н.И. Жинкин. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 370 с.
3. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения / И.А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации): Сб. ст.; под ред. Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1976. – С. 5-33.
4. Клычникова, З. И. Психологические особенности восприятия понимания письменной речи (психология чтения): Дис. ... докт. психол. наук / З.И. Клычникова. – М., 1974. – 387 с.
5. Менчинская Н. А., Смирнов А. А. Мышление // Психология: Уч. для пединститутов; под ред. А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева и др. – М.: Учпедгиз, 1962, с. 263-267.
6. Пассов, Е.И. Трансформации как психолингвистический критерий понимания речи / Е.И. Пассов, В.Ф. Сатинова // Вопросы психолингвистики и преподавания русского языка как иностранного; под ред. А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой. – М.: Просвещение, 1983. – 608с.]
7. Смирнов, А. А. Проблемы психологии памяти / А.А. Смирнов. – М.: Просвещение, 1966. – 420 с.
8. Смирнов, А. А. Психология запоминания / А.А. Смирнов // Избранные психологические труды: в 2 т. – Т.2. – М.: Педагогика, 1987. – С.6-294.
9. Уланович, О. И. Понимание речи как смыслоформирующее звено в речевой переводческой деятельности: лингводидактический аспект / Уланович О.И. // Иностранные языки в профессиональной коммуникации: материалы Респ. науч.-практ. семинара, Гродно, 26 апр. 2013 г.; под ред. Гончар С.В., Шульга О.К. – Гродно: ЮрСаПринт, 2013. – С. 39-49.
10. Уланович, О. И. Динамический и результативный аспекты восприятия речи в контексте речевой переводческой деятельности / О.И. Уланович // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст./ Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 18 – 24.

11. *Устьянцева, С. В.* Уровни и критерии понимания учащимися научного знания (на материале химии и биологии): Дис. ... канд. психол. наук / С.В. Устьянцева. – М., 1999. – 181 с.,
12. *Чепелева, Н. В.* Психологические особенности понимания текста студентами вузов как фактор их самообразования: Дис. ... канд. психол. наук / Н.В. Чепелев. – Киев, 1974. – 173 с.

«ДЗЯДЫ» КАК ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЧИТАНИЯ ПРЕДКОВ

Д. В. Корниенко

В духовном наследии славянских народов важное место занимает семейно-бытовая культура, которая наиболее полно отражает этико-нравственную сторону уклада жизни, нормы обычного права, принципы ритуально-обрядового и обыденного поведения. В. М. Сысов отмечает: «Исследование семейной обрядности и неразрывно связанного с ней словесного творчества открывает перед нами перспективу познания путей формирования и стадияльного развития обрядово-поэтического комплекса, его мировоззренческих основ, межпоколенной трансляции и актуализации в условиях современного полиэтнического и урбанизированного общества» [1].

Отдельное место в семейной обрядности белорусов занимает похоронно-поминальный обряд. Он не зря носит такое название, так как включает в себя не только обрядовые действия, связанные со смертью человека, но и поминальные традиции.

В. М. Сысов полагает: «Особый интерес к исследованию локально-национальной специфики белорусской погребальной обрядности на фоне общеславянской традиции определяется ещё и тем, что в ней по-своему сфокусировались и переосмыслились основы народной философии, представления об устройстве мироздания, морально-этические критерии, многочисленные суеверия белорусского этноса, под влиянием которых находилось развитие и становление традиций этой обрядности» [1]. В свою очередь исследователь Е. Ф. Карский справедливо заметил: «Что касается в частности воззрений белорусов на сущность загробной жизни, то они настолько первобытны и в такой степени отражают глубокую древность, что ... по ним можно судить о далёком προϊсторическом прошлом» [3, с. 296].

Поминальные традиции белорусского народа имеют отношение, как к семейной обрядности, так и к календарно-годовому циклу обрядов, а также к христианской и языческой традиции.

«Дзяды» – это гуманный поминальный обряд, которым белорусский народ издревле чествовал память предков. Происходили они в основном